

Глава первая

УБИЙСТВО

Был мартовский вечер. Между семью и восемью у театров по всему Лондону установили турникеты, закрывавшие доступ на галерку и в партер. Бах, трах, бум — звуки далеко не мелодичные, но они служили прелюдией к будущим представлениям, и для всех истомленных поклонников Фесписа и Терпсихоры, выстроившихся в колонны по четыре у врат обетованных, будь то последний бродяжка, не было ничего слаще этих звуков. Такое, правда, наблюдалось не везде. Возле театра «Ирвинг» всего пять человек расположились на ступеньках у входа, явно предпочитая комфорт теплу внутреннего закутка у кассы: греческая трагедия в этом сезоне была явно не в моде. Театр «Плейбокс» посещали исключительно снобы, которые к галерке относились с пренебрежением. Однако возле театра «Уоффингтон» две живые цепочки вились, загибались и, казалось, уходили в бесконечность. Уже давно величественный служитель

прошел вдоль очереди и, жестом простиертой длани, отсекая все надежды, произнес сакраментальную фразу: «Отсюда и дальше — только стоячие места».

Итак, одним сокращением дельтовидного мускула отделив зерна от плевел, он с олимпийским спокойствием проследовал сквозь зеркальные двери в ласковый уют вестибюля. Однако из длинной очереди никто не ушел. Тех, кому предстояло провести на ногах следующие три часа, казалось, ничуть не опечалило выпавшее на их долю испытание. Они болтали и смеялись, поддерживая свои силы ломтиками шоколада в серебряных обертках. Только стоячие места? Подумаешь! Можно и постоять ради удовольствия еще раз увидеть «А вы и не знали?» — мюзикл, родной лондонский мюзикл, который не сходил с подмостков целых два года, а теперь шел последнюю неделю. Исполнял свою, можно сказать, лебединую песню!

Места в кресла и ложи были раскуплены давным-давно, и масса наивных девиц, не привыкших к очередям, толпилась у закрытого входа, поскольку на этот раз никакие подкупы и соблазны на касиров не действовали. Казалось, весь Лондон жаждал попасть в «Уоффингтон», чтобы сегодня еще раз устроить овации своим кумирам; услышать, что нового вставит в свой каскад дурачеств Голли Голан — тот самый Голан, которого недавно извлек из провинциального небытия отважный менеджер и который, получив шанс стать известным,

использовал его сполна. О, и еще раз погреться в лучах веселья и красоты, исходивших от Рей Маркейбл — этой кометы, внезапно появившейся на театральном небосклоне два года назад и стремительно взлетевшей к зениту славы, затмив всех прочих, известных и незаменимых; Рей, которая кружилась и танцевала, как листок, подхваченный ветерком; чья легкая улыбка Моны Лизы за шесть месяцев положила конец рекламной моде на белозубый оскал. Критики писали о ее «непередаваемом обаянии»; ее горячие поклонники тем не менее пытались его передать каждый по-своему, прибегая к жестам и гримасам, когда не хватало слов. И вот теперь она, как и многое другое из старой доброй Англии, уплывала в Америку. Два года она пробыла с ними, и без нее Лондон покажется безводной пустыней! Да тут согласишься стоять хоть целую вечность — лишь бы увидеть ее еще в последний раз!

Уже с пяти вечера начало моросить, и время от времени легкий, пронзительный ветерок, подхватывая морось, будто взмахом кисти опрыскивал всю очередь от начала до хвоста. Однако и это обстоятельство никого не обескураживало: погода явно вела себя несерьезно, и легкий дождик воспринимался как терпкий аперитив перед предстоящим пиршеством для зрения и слуха. Люди поживались, перебирали пальцами ног и, как полагается истым кокни, использовали любую возможность поразвлечься, какую только предоставляла узкая, словно ущелье, улица.

Сначала появились мальчишки-газетчики, верткие, с худенькими личиками и не по-детски настороженными глазами. Они промчались вдоль очереди как степной пожар и исчезли, оставив после себя обрывки реплик и шелест газетных страниц. Потом появился маленький уродец, с ногами короче туловища. Расстелив серенький коврик на мокрой мостовой, он принялся завязывать себя в немыслимые узлы, пока наконец не стал напоминать застигнутого врасплох съездившего паука: его глаза вдруг зыркали на очередь из совершенно неожиданных мест, и от этого даже у самых нечувствительных мороз бежал по коже. За ним последовал скрипач — исполнитель популярных мелодий, который, судя по всему, пребывал в счастливом неведении, что одна из басовых струн у него брала на полтона ниже. Вслед за ним появились одновременно исполнитель чувствительных романсов и нестройный оркестр из трех человек. Минуту-две они мерили друг друга недружелюбными взглядами, после чего певец, действуя по принципу «кто смел, тот и съел», без лишних слов жалобно затянул «Все оттого, что ты пришла ко мне». Но тут глава оркестрика передал гитару подручному и, широко расставив локти и вытянув руки перед собой, направился к тенору выяснять отношения. Тенор попытался было выразить свое полное пренебрежение тем, что продолжал петь и глядел поверх головы оркестранта. Однако вскоре обнаружил, что это довольно трудно, поскольку музыкант был выше

него на полголовы и держался весьма нахально. Бедняга умудрился пропеть еще две фразы, после чего неуверенно смолк и завершил выступление горькими жалобами, перейдя на вполне прозаическую речь, а минутой спустя, извергая угрозы и проклятия, исчез в темной аллее. Оркестранты, не теряя времени, рванули с ходу самую популярную танцевальную мелодию. Поскольку она более соответствовала современным вкусам, чем неуместное обращение к выцветшим сантиментам прошлого, все тут же забыли о несчастной жертве насилия над личностью и принялись притопывать в такт. После оркестра, сменяя друг друга, публику развлекали проповедник-евангелист, а также человек, который сперва разрешал завязывать себя внушительными веревками и с впечатляющей ловкостью тут же от них освобождался. Каждый, отработав свой номер, следовал дальше, но перед уходом проходил вдоль всей очереди от головы до хвоста, время от времени просовывая в редкие просветы между плотно стоявшими людьми свой истрепанный, но обладавший магической силой преодолевать все преграды головной убор, прочувствованно повторяя: «Спасибо вам! Спасибо! Еще раз спасибо!» — призыв, которому надлежало расположить публику к щедрым пожертвованиям. Продавцы сладостей, спичек, игрушек, торговцы открытками — каждый со своим товаром — успешно заполняли паузы между отдельными номерами этой развлекательной программы.

Очередь добродушно расставалась со своими пенсами, вполне довольная немудреным развлечением. Но вот трепет пробежал по толпе — трепет, который искушенному зрителю был прекрасно знаком и мог означать лишь одно. Складные скамеечки и стульчики были моментально убраны, свертки с едой исчезли, и появились кошельки. Двери наконец-то растворились. Начиналась захватывающая, увлекательная игра. Что сулило им сегодня заветное окошечко кассы: победу — то есть билет — или же поражение? Где-то впереди, у самой головы очереди, напряжение выросло настолько, что на минуту-другую основной инстинкт, призывающий англичанина всегда знать свое место, был забыт, — я здесь вполне сознательно говорю именно об англичанах, потому что шотландцу это чувство просто незнакомо, — и очередь утратила свой математический расчет на «первый-второй». Произошла небольшая давка, незаметная на первый взгляд концентрация сил, пока наконец очередь перед турникетом не приняла вид однородной, тяжело дышащей массы. Звяканье опускаемой в прорезь монетки означало, что впуск продолжается и что очередной счастливец переступил порог рая. Один этот звук заставлял стоящих сзади бессознательно напирать сильнее, пока передние не стали протестовать во всю силу своих сдавленных легких и полицейскому не пришлось пройти вдоль очереди, увещевая чересчур нетерпеливых: «Подайте-ка назад. До начала еще пропасть времени. Напирать

бессмысленно, это ничего не даст. Соблюдайте порядок!» Время от времени вся очередь делала небольшой рывок вперед, это происходило, когда счастливы, стоявшие первыми, по двое и по трое откатывались от нее, как бусины разорванной нитки. Но случались и неожиданные задержки. Вот какая-то толстуха замешкалась и шарит в кошельке. Дуреха. Не могла, что ли, заранее приготовить нужную сумму!

Будто почувствовав, что вызывает всеобщее негодование, женщина обернулась к стоявшему позади мужчине и раздраженно сказала:

— Эй, перестаньте толкаться, уважаемый! Неужели даме нельзя спокойно достать сумку? Обязательно надо ее пихнуть!

Но человек, к которому были обращены эти слова, остался глух и нем. Голова его свесилась на грудь, и негодующий взгляд женщины уперся в верхушку его мягкой фетровой шляпы. Она фыркнула, резко отвернулась от него, шагнула к окошечку и выложила деньги, которые перед этим так долго считала. В тот же момент мужчина неожиданно осел на колени, так что стоявшие за ним едва не попадали, и тут же медленно повалился вниз лицом.

— Да ему плохо, — произнес кто-то, но с места не сдвинулся ни один.

В наши дни инстинкт самосохранения, призывающий ни во что не вмешиваться, находясь в толпе, стал столь же ярко выраженным, как общеизвестное свойство хамелеона в минуту опас-

ности менять окраску. Может, кто-нибудь его знает? Но нет, таковых не оказалось. И все-таки нашелся человек — то ли более сознательный, то ли с бóльшим чувством ответственности, — который решился подойти к упавшему, чтобы оказать помощь. Он уже наклонился было к нему, но замер и вдруг отпрянул, будто его укусили. Трижды над толпой прозвучал истерический женский крик — и пыхтящая напиральная очередь внезапно застыла в полной неподвижности.

Тело мужчины осталось одиноко лежать на мостовой, отчетливо видное в ярком круге электрического света, падавшего с крыши театра. И тот же безжалостный свет холодно блестел на маленьком серебряном предмете, косо торчавшем из серого твидового пальто.

На рукоятке кинжала.

Полицейский, утихомиривавший очередь, появился даже прежде, чем кто-то вспомнил о полиции. При первом же женском вопле он поспешил от хвоста очереди. Он знал: так кричат лишь в одном-единственном случае — при виде внезапной смерти. Полицейский постоял, огляделся по сторонам, потом склонился над телом, осторожно повернул к свету голову, вернул в прежнее положение и, выпрямившись, проговорил, обращаясь к человеку в окошечке:

— Вызовите скорую и позвоните в участок.

Потом обвел несколько ошарашенным взглядом всю очередь и спросил:

— Кто-нибудь знает этого джентльмена?

Нет. Заявить о своей хотя бы отдаленной причастности к тому, кто сейчас тихо лежал на мостовой, желающих не нашлось.

Позади этого человека стояла солидная супружеская чета, видимо, из пригорода. Сквозь тихие стоны женщина монотонно повторяла одну и ту же фразу:

— О, Джимми! Поедем домой! Скорее поедем домой!

По ту сторону турникета толстая женщина будто окаменела; ее рука в черной нитяной перчатке сжимала вожделенный билет, а она, судя по всему, и не помышляла о том, чтобы скорее занять место. «Человека убили!» Эта новость облетела очередь с быстротой пламени, охватывающего сухой подлесок. Толпу завертело и закружило, одни старались поскорее отойти подальше от того, что вконец испортило им все удовольствие; другие, наоборот, пробивались вперед, чтобы увидеть все своими глазами; третьи негодуяще боролись за то, чтобы удержать свое место в очереди, где простояли столько часов подряд.

— Поедем домой, Джимми! О, едем скорее домой!

— Думаю, пока это невозможно, дорогая, — проговорил наконец муж. — Придется подождать: вероятно, мы будем нужны полиции.

— Вы совершенно правы, сэр, — тут же отозвался полицейский. — Всем действительно нельзя уходить. Вот вы, шестеро, кто впереди, и вы, миссис, — обратился полицейский к толстухе, —

оставайтесь каждый на своем месте. Остальные — проходите. — И он сделал знак, как постовой, направляющий движение транспорта в объезд сломавшегося автомобиля.

Супруга Джимми разразилась истерическими рыданиями, а толстуха наконец раскрыла рот и заявила, что пришла на спектакль и знать не знает этого человека. Те четверо, что стояли следом за супружеской парой, также обнаружили явное нежелание быть замешанными в неприятном деле, последствия которого трудно было предугадать, и тоже заявили, что абсолютно ничего не знают.

— Охотно верю, — ответил полицейский. — Но это вам предстоит объяснить в полицейском участке. Тут нет ничего страшного, — добавил он в утешение, хотя при данных обстоятельствах эта фраза прозвучала довольно неубедительно.

Очередь задвигалась снова. Швейцар притащил откуда-то зеленый занавес и накрыл им тело. Возобновились щелканье турникета и безучастный, как шум дождя, стук монет. Швейцар, в обычное время отчужденно молчавший, как Иов в брюхе кита, то ли проникшись сочувствием к шестерым допрашиваемым, то ли в надежде на некое вознаграждение, вызвался сохранить для бедняг сидячие места. Наконец появилась машина скорой помощи, явились и представители закона из отделения полиции округа Гоубридж. Местный инспектор поговорил с каждым из семерых, записал

их фамилии, адреса и, отпуская, предупредил, что их могут вызвать для дополнительных показаний. Джимми усадил свою рыдающую супругу в такси, а остальные пятеро озабоченно проследовали на места, которые стерег для них швейцар, и едва успели усесться, как поднялся занавес и началось вечернее представление пьесы «А вы и не знали?».

Глава вторая

ИНСПЕКТОР ГРАНТ

Старший инспектор уголовного отдела Скотленд-Ярда Баркер нажал наманикюренным пальцем на кнопку из слоновой кости, что находилась под крышкой его рабочего стола, и не отпускал ее, пока в кабинете не возник один из его бесценных подчиненных.

— Передайте инспектору Гранту, что мне необходимо его видеть, — сказал он вошедшему, который в присутствии высокого начальства изо всех сил старался держаться почтительно, но с достоинством. Однако увы: холодная вежливость и неприступный вид старшего инспектора мало этому способствовали. Молодой человек дрогнул и, чтобы сохранить равновесие, был вынужден чуть отклониться назад в ужасе от мысли, что его орлиный нос мог быть истолкован как выражение крайней непочтительности. Удрученный неудачей, он отправился выполнять поручение, чтобы затем похоронить память о своем фиаско под кипами

аккуратнейшим образом подшитых досье и копий документов — что и являлось, собственно, его непосредственной обязанностью. Инспектор же Грант меж тем вошел в кабинет шефа и непридуманно поздоровался — они были давними и добрыми приятелями. При виде его Баркер заметно повеселел.

Помимо таких обычных качеств, как преданность долгу, мужество и ум, у Гранта было перед коллегами одно неоспоримое преимущество: он совершенно не походил на полицейского. Среднего роста, стройный, всегда безукоризненно одетый, — я бы назвала его шеголем, если бы не была уверена, что это вызовет в вашем воображении некоего субъекта, начисто лишённого индивидуальности, наподобие портновского манекена, — но уж в чем в чем, а в недостатке индивидуальности Гранта никак нельзя было упрекнуть. Однако представьте, если можете, шеголя, нисколько не похожего на манекен, — и вы получите верное представление о Гранте. Баркер уже много лет тщетно пытался перенять его шик, но, увы, единственное, в чем он преуспел благодаря Гранту, так это в том, что стал похож на денди. Баркеру доставало вкуса в выборе модной одежды — так же как и в отношении многого другого. Слепое и упорное подражание было основным свойством его натуры: сам он никогда не проявлял инициативы. Это можно было считать его единственным недостатком. С другой стороны, если уж Баркер начинал кому-то подражать, то этот кто-то вско-

ре понимал, что лучше бы ему вовсе на свет не родиться.

Сейчас Баркер с неподдельным удовольствием глядел на своего безмятежно улыбающегося, как летнее утро, подчиненного — сам он всю ночь промаялся с прострелом — и перешел к делу.

— В Гоубридже все носы повесили. И вообще им там на Гоу-стрит уже мерещится, будто против них целый заговор.

— Даже так? Их что, кто-нибудь решил серьезно проучить?

— Да нет, просто вчерашнее происшествие — уже пятое крупное дело на их участке за последние три дня. Они сыты по горло и хотят, чтобы вчерашнее дело мы взяли на себя.

— А что там стряслось? Случай в очереди у театра?

— Совершенно верно. А кто у нас сейчас в оперативном отделе? Вы. Вот и приступайте. Можете взять Уильямса. Барбер мне нужен самому: я его посылаю в Беркшир в связи с ограблением в Ньюбери. Там придется умасливать местную полицию — они в обиде, что Ярд вмешивается; у Барбера это лучше получится, чем у Уильямса. Ну, пожалуй, это все. И знаете, отправляйтесь-ка на Гоу-стрит прямо сейчас. Желаю успеха.

Полчаса спустя Грант уже беседовал с полицейским врачом на Гоу-стрит. Тот подтвердил, что, когда мужчину доставили в больницу, тот был уже мертв. Орудие убийства — тонкий, очень острый стилет. Его всадили в спину с левой стороны от